

В дополнение к списку межславянских лексических заимствований в русском приказном языке XVII в.

ЛЮДМИЛА ГАРБУЛЬ*

Rusų filologijos katedra, Baltijos kalbų ir kultūrų institutas, Filologijos fakultetas, Vilniaus universitetas, Universiteto gatvė 5, LT-01513 Vilnius

Received: 15 March 2020 • Accepted: 22 May 2020

© 2021 Akadémiai Kiadó, Budapest

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблематике сложных межславянских языковых контактов в XVII в. и продолжает цикл публикаций автора на эту тему. Исследование опирается на историко-филологические методы, которые помогают установить направление языкового влияния при контактировании генетически родственных языков. Успешному применению указанных методов способствует использование данных исторических словарей восточнославянских и западнославянских языков с большой глубиной диахронии и широким кругом памятников письменности разных жанров и различного происхождения. Эта информация помогает выявлять межславянские заимствования и верифицировать результаты предшествующих исследований.

В публикации на материале дипломатической корреспонденции Московского государства рассматривается происхождение и история четырех лексем: *навезенье* ‘пребывание в неволе, в плену, в заключении’, *надарити / надарыти* ‘одарить, наделить чем-л.; подарить что-л.’, *новокрещенець / новокищенець* ‘тот, кто недавно крестился, принял христианство; лицо, перешедшее в христианство из другого вероисповедания’, *новообранный* ‘вновь избранный, новоизбранный’ во всех контактировавших языках: русском, польском, письменности Великого княжества Литовского, а также белорусском и украинском языках. Цель автора – доказать, что эти слова являются лексическими заимствованиями из польского языка. Исследование основано на тщательном сопоставлении данных разного типа словарей русского, белорусского, украинского и польского языков, что позволило доказать неисконность рассматриваемых лексем в русском языке и установить источник заимствования, а также выявить посредническую роль письменности ВКЛ в польско-русских языковых контактах.

* Corresponding author. E-mail: liudmila.garbul@ff.vu.lt

В результате анализа материала было установлено, что все четыре лексемы, вероятнее всего, являются полонизмами, при этом слова *надарити / надарыти, новокрещенецъ / новокщенець* и *новообранный* проникли в русский письменный язык XVII в., по-видимому, благодаря посредничеству письменности ВКЛ. Кроме того, для лексемы *надарити / надарыти* была конкретизирована хронологическая характеристика, а для слова *новообранный* удревнено время появления его в русском письменном языке.

Материалы данной публикации могут быть использованы для дополнения и уточнения информации этимологических и исторических словарей славянских языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

межславянские заимствования, лексические заимствования, полонизмы, приказный язык, дипломатическая корреспонденция, дипломатические документы, письменность ВКЛ, «простая мова»

Эта статья продолжает серию публикаций, посвященных анализу межславянских лексических заимствований, в частности заимствований из польского языка, выявленных в дипломатической корреспонденции по сношениям Московского государства (далее – МГ) с западноевропейскими державами в первой половине XVII в. (см. ГАРБУЛЬ 2014, ГАРБУЛЬ 2015, ГАРБУЛЬ 2018а, ГАРБУЛЬ 2018b, ГАРБУЛЬ 2018с, ГАРБУЛЬ 2019). Актуальность проблематики межславянских заимствований объясняется тем, что в XVI–XVII вв. осуществлялись очень активные польско-русские культурные и языковые контакты, в которых в роли посредника часто выступала письменность Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). К настоящему времени установлено значительное количество полонизмов, проникших в русский письменный язык в указанный период, однако нельзя утверждать, что заимствования из польского языка выявлены исчерпывающе.

Следует заметить, что трудности при установлении факта заимствования из близкородственных языков связаны с тем, что зачастую отсутствуют формальные признаки неисконности слова в языке-реципиенте. В этих случаях идентифицировать заимствование помогает применение историко-филологических методов, что предполагает учет таких моментов, как распространенность слова и его история не только в принимающем языке, но и в языке-доноре, а также в языке-посреднике при осуществлении сложных языковых контактов. Успешному применению этих методов исследования во многом способствует реализация проектов по созданию исторических словарей западнославянских и восточнославянских языков: завершена публикация словаря старопольского языка, ряда исторических словарей белорусского языка и словаря староукраинского языка XIV–XV вв., близится к завершению работа над словарем русского языка XI–XVII вв., активно разрабатываются словари старочешского языка, польского языка XVI в. и XVII – первой половины XVIII в.; продолжается работа над словарями древнерусского языка и русского языка XVIII в., а также украинского языка XVI – первой половины XVII в. Данные этих фундаментальных лексикографических источников с большой глубиной диахронии, опирающихся на широкий круг памятников письменности разных жанров и различного происхождения, в большом числе случаев помогают установить межславянские заимствования и верифицировать результаты предшествующих исследований. Кроме того, в своих

исследованиях мы также опираемся на работы таких авторов, как С. Кохман, А. Золтан, В. Витковский и М. Мозер (КОСМАН 1967, КОСМАН 1971–1974, КОСМАН 1975, КОСМАН 1978, КОСМАН 1980, КОСМАН 1991, КОСМАН 2005, ЗОЛТАН 2014, WITKOWSKI 2006, МОЗЕР 2002, MOSER 2007), которые внесли значительный вклад в разработку интересующей нас проблематики.

В данной публикации, опираясь на применение указанных выше методов, рассмотрим происхождение четырех лексем, обнаруженных в дипломатической корреспонденции МГ и ранее не попадавших в поле зрения других исследователей.

Навезенье [1]¹ с. Пребывание в неволе, в плену, в заключении: «Смилуйся, твоя королевская милость, да выми нас отселе из везенья, попомни нашу вѣрную службу и навезенье, которое терпим для службы твоей королевской милости»² (Сб. РИО 142: 382, 1613 г.).

Данное существительное является суффиксальным производным от префиксально-го глагола, восходящего к прасл. диал. **veziti*, 1 л. ед. ч. **vezǫ* 'вить, сплетать, связывать' с и.-е. корнем **anǵh-* (*enǵh-* : **nǵh-*?) 'узкий', 'суживать'; сжимать, сдавливать, 'притеснять' (см. BORYS 2005: 699, ФАСМЕР 1: 374, ЭСРЯ 3: 242–243, ЧЕРНЫХ 1: 174–175).

Лексема *навезенье* в указанном значении до сих пор не фиксировалась в русском языке, не удалось обнаружить ее и в других восточнославянских языках. Учитывая то, что это слово было выявлено в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей в середине первой четверти XVII в., мы предполагаем, что оно попало в текст анализируемого документа из польского.

В польском языке существительное *nawięzienie*, обозначающее действие и состояние по значению глагола *nawięzić* 'natrzymać w więzieniu', удалось обнаружить лишь в словаре, отражающем польский язык XIX в. (KARŁOWICZ et al. 3: 205). Отметим, что однокоренные к слову *навезенье* слова *вязень* 'пленник, узник' и *вязенье* 'лишение свободы, плен, заключение' и, возможно, глагол *вязить* 'держат в неволе, в плену, в заключении' считаются заимствованиями из польского в русской письменности XVI в. (см. WITKOWSKI 2006: 29, ГАРБУЛЬ 2014: 34–35). Приведенные выше данные, по нашему мнению, позволяют относить рассматриваемую лексему к окказиональным полонизмам в русском приказном языке.

Надарити / надарыти [2]³ сов. Одарить, наделить чем-л.; подарить что-л.: «Да къ тому... всякою честью и многимъ жалованьемъ, чого николи народ Московский не мель, ваша господарская милость *надарыти* можешъ» (Сб. РИО 142: 62, 1610 г.). «Всякою честью и многимъ жалованьемъ, чого николи народ Московский не меваль, *надарыти* хочемъ» (Сб. РИО 142: 75, 1610 г.).

Эта лексема является префиксальным дериватом от глагола, имеющего общеславянское распространение и восходящего к прасл. **dariti* 'дарить, приносить в дар', производному на *-iti* от прасл. **darǫ* 'дар, подарок; приношение; подношение, пожертвование', которое продолжает и.-е. основу на *-o-*: **dōro-* 'дар', родственного и.-е. **dō-* 'дать, давать', на славянской почве соотносительному с **dati* 'дать, давать' (см. BORYS 2005: 108–109, ФАСМЕР 1: 484, ЭССЯ 4: 190–192, 194–195).

¹ Здесь и далее цифрой в скобках указывается количество употреблений анализируемой лексемы в наших материалах.

² Усечения начала и конца цитаты не отмечаются.

³ В наших материалах лексема представлена в форме *надарыти*.

До сих пор считалось, что *надарити* в значении ‘одарить, надавать подарков’ в русском письменном языке впервые регистрируется в *Повести о купце Григории XVII в.* (список XVIII в.) (СлРЯ XI–XVII 10: 61). В XVIII–XIX вв. этот глагол отмечается в значении ‘подарить много чего-л.’ (СлРЯ XVIII 13: 164, Даль 2: 398). В словаре современного русского языка лексема *надарить* ‘дарить что-л. в каком-л. (обычно в большом) количестве’ снабжена пометой «разг.» (БАС 11: 100).⁴ В засвидетельствованном нами значении она бытует только в говорах русского языка (СРНГ 19: 222).

Данные из дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в. конкретизируют время появления глагола в русской письменности. Характер памятника, на который приходится наиболее ранние точно датированные фиксации, а также фонетический облик анализируемого глагола дают основания для предположения о возможном заимствовании из польского языка. В старопольских источниках *nadarzyć* ‘*obdarzyć, obdarować, obdzielić*’ известно с конца XV в. (SłStp 5: 27). В этом значении перфектив бытовал в польском языке в XVI–XVII вв., а имперфектив *nadarzać* – и в XVIII в. (SłP XVI 15: 450, RECZEK 1968: 220, WAŃKOWSKI 2: 243, LINDE 3: 215). В словаре, регистрирующем польский язык XIX в., *nadarzyć* в значении ‘*nadawać komu darów, obdarzyć kogo*’ снабжено пометой ‘*staropolski*’ (KARŁOWICZ et al. 3: 30). В словарях XX – начала XXI в. этот глагол в значении ‘*zesałać, nastęczyć, przynieść, zwykle coś pomyślnego*’ сопровождается пометами ‘*przestarz.*», ‘*daw.*» и ‘*dzis książk.*» (SłP 4: 993, WSJP, USJP 2: 770).

В письменности ВКЛ *надарити* ‘*надарыць, абдарыць, надзяліць*’ впервые отмечается в конце 80-х гг. XV в. Более широкое распространение глагол получает в XVI–XVII вв. в актовом языке и в текстах на «простой мове», причем в памятниках, язык которых испытал значительное влияние польского (ГСБМ 18: 364, ТИМЧЕНКО 1: 453). Глагол *надарити* ‘одарить’ бытовал в украинском языке XVIII–XIX вв. (ГРИНЧЕНКО 2: 480). В лексикографических источниках украинского языка XX – начала XXI вв. он представлен в значении ‘*наділити чим-н.; дати щось як подарунок, нагороду (також образно)*’ с пометой ‘*розм.*» (СУМ 4: 61, ВТССУМ 2005: 709). В словаре современного белорусского языка *надарыць* отмечается в значениях: ‘*падарыць многа чаго-н.*’, ‘*даць як падарунак*’ и ‘*перан. надзяліць якімі-н. якасцямі*’ (ТСБМ 3: 233).

Если принять во внимание характер памятников, на которые приходится наиболее ранние точно датированные фиксации анализируемой лексемы в русском языке и ее фонети-

⁴ В современном русском литературном языке в том значении, в котором было отмечено *надарити* в дипломатической корреспонденции МГ XVII в., употребляются глаголы *наделить* ‘одарить чем-л.; *перен.* даровать кому-л. (силы, способности и т. п.)’ (БАС 11: 109) и *одарить* ‘подарить нескольким, многим или одному много; одарить чем-л., проявлять знаки внимания, выражать свои чувства’ (БАС 13: 504). Лексема *надѣлити* в значении ‘наделить чем-л. (имуществом, землей и т. п.); оделить, дать долю’ в древнерусском языке фиксируется с XIV в., а слово *одарити* в значении ‘одарить, наделить подарками, деньгами’ – с XII–XIII вв. (СлДРЯ). Оба глагола, *надѣлити(-ть)* ‘дать, снабдить; подарить, одарить (кого-л., чем-л.)’ (СлРЯ XI–XVII 10: 66–67, СлРЯ XVIII 13: 171, Даль 2: 412) и *одарити(-ть)* ‘дать что-л. в подарок, в награду кому-л.; *перен.* наделить какими-л. свойствами, особенностями’ регистрировались и в русском письменном языке XVII–XIX вв. (СлРЯ XI–XVII 12: 264, СлРЯ XVIII 16: 180, Даль 2: 573). Приведенная выше информация свидетельствует о том, что использование глагола *надарити* в анализируемом употреблении создавало избыточную синонимию, что не способствовало закреплению значения в русском языке, но сама лексема сохранилась в лексическом составе языка в ином значении.

ческий облик, то, на наш взгляд, есть основания для отнесения *надарити / надарыти* к полонизмам. В русский приказный язык этот глагол, очевидно, попал через посредничество письменности ВКЛ, куда, судя по приведенной выше информации, он, вероятнее всего, также мог проникнуть из польского.

Новокрещенець / новокщенець [4] м. Тот, кто недавно крестился, принял христианство; лицо, перешедшее в христианство из другого вероисповедания: *новокрещенець* [2]: «Московского государства всякихъ чиновъ люди... и бояре, и околниче... и столники... и *новокрещенцы*, и Татарове и Литва и Нѣмцы... обрали на государство Московское... царемъ... Свѣйского Карла короля сына» (ДАИ 1: 284 [162], 1611 г.). «А говорили государевы послы паном раде, что они... православную христианскую веру их, черкас, гонят... а кальвинцов, и люторов, и *новокрещенцев*... не гонят» (ВУР 2: 489 [211], 1651 г.); *новокщенець* [2]: «И многих злых еретиков в соборной храм... введе колвинцов, и *новокщенцов*, и ариян, и люторов, и римлян» (Сб. РИО 137: 195, 1606–1607 гг.). «Да и у королевского величества в государстве розных вер много: и противных христианской вере кальвинов, и люторов, и *новокщенцов*, и ариян» (ВУР 3: 38 [16], 1651 г.).

Это существительное представляет собой композит. Первая его часть восходит к имеющему общеславянское распространение и.-е. характера прасл. **novъ(jь)* ‘новый’ < и.-е. **nejos*: **nejos* ‘новый’, связанному чередованием с **nī-* (см. Ворыс 2005: 367, Черных 1: 575, Фасмер 3: 78, ЭССЯ 26: 9–13). Вторая часть является суффиксальным образованием, мотивированным отглагольным прилагательным, восходящим к имеющему общеславянское распространение прасл. **krъstiti* ‘крестить’, суффиксальному отыменному деривату от прасл. **krъstъ* ‘крест, распятие’, одному из самых ранних заимствований из германских языков, вероятнее всего, из др.-в.-нем. *krist* : *christ* < гот. *Christus*, очевидно, означавшего ‘Христос’ (см. Ворыс 2005: 70, Черных 1: 442–443, Фасмер 2: 374, ЭССЯ 13: 75–76).

В русской письменности лексема *новокрещенець* впервые фиксируется в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Римской империей в документе 1596 г., описывающем взаимоотношения первого субъекта с Польшей (СлРЯ XI–XVII 11: 401). Мы обнаружили существительное *новокрещенець / новокщенець* в дипломатических документах, регистрирующих контакты МГ с Польшей и ВКЛ в первой половине – середине XVII в. Далее лексеме *новокрещенець* в значении ‘кто недавно крестился, принял христианский закон’ находим в словарях, отражающих русский язык XVIII–XIX вв. (САР 3: 1409, Даль 2: 550). В лексикографических источниках, регистрирующих русский язык XX в., это существительное в значении ‘недавно крестившийся человек; лицо, перешедшее в христианство из другого вероисповедания’ приводится без каких-либо помет, хотя, судя по иллюстративному материалу, к концу XIX в. оно выходит из активного употребления (ССРЛЯ 7: 1357, БТС 1998: 653). В XX столетии отмечаются лишь единичные его фиксации в исторической прозе, повествующей о событиях XVII в. (БАС 12: 485). В словаре русского языка первой четверти XXI в. слово *новокрещенець* ‘недавно крестившийся человек; тот, кто недавно принял христианство’ снабжено пометой «устар.» (БАС 12: 485).

Учитывая характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации данного существительного в русском письменном языке, а также отмеченный нами наряду с *новокрещенець* вариант *новокщенець*, мы предполагаем, что эта лексема была заим-

ствована из польского.⁵ В польской письменности *nowokrzczeniec* / *nowochrzczeniec* / *nowokrczeniec* / *nowokrzczeniec* / *nowochrzczeniec* / *nowokrzczeniec* / *nowokrzczeniec* в значении ‘ten, który został powtórnie ochrzczony’ известно с 40-х гг. XVI в., а в значении ‘ten, który został niedawno ochrzczony, neofita’ – с 60-х гг. того же столетия (SJP XVI 18: 536, 538). В этих значениях рассматриваемое существительное бытовало и в XVII–XVIII вв. (LİNDE 3: 359). В словаре, отражающем польский язык XIX в., варианты с *-k-*, а также первое из указанных выше значений снабжены пометой «staropolski» (KARŁOWICZ et al. 3: 417). В лексикографическом источнике XX в. лексема *nowochrzczeniec* в обоих значениях сопровождается пометами «kult.», «daw.» (SJP 5: 376), а в словаре начала XXI в. это слово представлено в значении ‘anabaptysta’ с пометой «rel.» (USJP 2: 1028).

В письменности ВКЛ лексема *новокрещенець* / *новохрещенець* в значении ‘анабаптыст’ засвидетельствована с конца XVI в. в деловых документах и текстах на «простой мове», язык которых отражает польское влияние, в том числе в переводах с польского языка (ГСБМ 21: 26, 37). В словаре, регистрирующем белорусский язык XVIII–XIX вв., находим *новокщенець* ‘новокрещенец, принявший крещение в возрастном состоянии’ (НОСОВИЧ 1870: 341), а в словаре украинского языка, отражающем язык того же периода, – *новохрещенець* ‘неофит, новокрещенный’ (ГРИНЧЕНКО 2: 569). Для белорусского языка история анализируемой лексемы далее XIX в. не прослеживается. В современном украинском языке *новохрещенець* употребляется в значении ‘той, хто недавно охрестився, прийняв християнство’ (ВТССУМ 2005: 790).

Судя по приведенным данным об истории рассматриваемого слова в письменности ВКЛ и далее в белорусском и украинском языках, есть основания для предположения о лексическом заимствовании в эти языки, как и в русский, из польского. При этом письменность ВКЛ могла выступать в роли посредника при заимствовании анализируемого существительного в русский приказный язык конца XVI–XVII вв.

Новообранный [3] *прил.* Вновь избранный, новоизбранный: «И на утрее ъздили паны рада къ Казимеру *новообранному* королю... и здоровали ему и звали его въ Варшаву на королевской дворъ» (АЮЗР 3: 287 [243], 1649 г.). «Да томужь *новообранному* гетману на

⁵ Косвенно о неисконности слова *новокрещенець* в русском языке может свидетельствовать следующее: в древнерусском языке с XII в. было известно прилагательное *новокръщении* ‘недавно крещенный, обращенный в христианство’, отмечаемое и в субстантивном употреблении (СлДРЯ, СлРЯ XI–XVII 11: 401). С середины 30-х гг. XVI в. оно зафиксировано и в значении ‘перешедший в православное вероисповедание’ (СлРЯ XI–XVII 11: 401). Кроме того, в русской деловой письменности с 70–80-х гг. XVI в. в документах, отражающих вопросы внутренней жизни МГ, засвидетельствовано существительное *новокрещень* / *новокрещонь* ‘тот, кто недавно крестился, принял христианство’ (СлРЯ XI–XVII 11: 401). Прилагательное в обоих употреблениях продолжает бытовать в русском языке до настоящего времени, а существительное вышло из активного запаса лексики к XX в. (СлРЯ XVIII 15: 163, ДАЛЬ 2: 550, ССРЛЯ 7: 1357, БАС 12: 485). Итак, вышеупомянутые прилагательное и существительное появились в русском письменном языке раньше, чем слово *новокрещенець*, и вступали с ним в синонимические отношения. Это привело к тому, что к концу XIX в. лексема *новокрещенець*, а несколько позднее и лексема *новокрещень* выходят из активного употребления (БАС 12: 485). Примечательно, что в польском языке *nowochrzczony* (*nowokrzczony*) ‘powonawrócony chrześcijanin; neophytus’ известно только с конца 70-х гг. XVI в. и в этом столетии отмечается спорадически, а однокоренное существительное синонимичное *nowokrzczeniec* / *nowochrzczeniec* вообще не представлено (SJP XVI 18: 535). В письменности ВКЛ *новохрещенный* ‘только што ахрышчаны’ наблюдается с начала 80-х гг. XVI в., а *новокрещенный* ‘анабаптыст’ – с XVII в., существительное *новокрещень* не регистрируется (ГСБМ 21: 37, 270). Таким образом, *новокрещень*, в отличие от *новокрещенець*, следует считать исконным словом в русском языке.

подданство и на вѣрность вѣру намъ Великому Государю учинити» (СГГД 3: 512 [170] 1654 г.). «А кого Гетмана оберутъ... да тому жъ *новообранному* Гетману на подданство и на вѣрность вѣру Намъ, Великому Государю, учинити» (ПСЗ 1: 326 [119], 1654 г.).

Анализируемая лексема образована путем сложения двух прилагательных (о происхождении первого компонента сложения см. выше: *новокрещенецъ*), второе из которых является производным от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение и.-е. характера прасл. **bъrati*, 1 л. ед. ч. **berǫ* 'братъ' < и.-е. корень **bher-* (**bherǝ-* : **bhr̥-*) с первоначальным значением 'нести', из которого в славянских языках развилось 'братъ', возникшее, видимо, сначала у приставочных глаголов (см. Ворыс 2005: 37, **ЧЕРНЫХ** 1: 109, **ФАСМЕР** 1: 159, **ЭССЯ** 3: 162–163).

До сих пор считалось, что наиболее ранние фиксации прилагательного *новообранный* в русской письменности относятся к 60–70-м гг. XVII в. (СлРЯ XI–XVII 11: 403). Наши данные позволяют удревнить время появления его в русском языке. Далее это слово встречается в источниках первой четверти XVIII в., причем в словаре, отражающем язык этого столетия, оно снабжено пометой «ср. пол. *obrac̑*», указывающей на его возможное происхождение (СлРЯ XVIII 15: 164). За пределами XVIII в. история прилагательного *новообранный* для русского языка не прослеживается.

Заметим, что все известные на данный момент случаи употребления рассматриваемой лексемы в русском языке приходятся на дипломатические документы по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ и на источники, где речь идет о Польше или ВКЛ (см. приведенные нами примеры, а также СлРЯ XI–XVII 11: 403, СлРЯ XVIII 15: 164). Это обстоятельство, а также то, что однокоренные с анализируемой лексемой слова *обирати* 'выбирать, избирать', *обрати* 'выбрать, избрать', *обранный* 'избранный', *обиранье* 'избрание; выборы' считаются полонизмами в русском языке (Косман 1967: 125, Witkowski 1992: 266, Witkowski 2006: 127, 129), позволяет, на наш взгляд, отнести и *новообранный* к списку полонизмов.

Для того, чтобы обосновать это утверждение, обратимся к истории слова в польском языке и письменности ВКЛ. В старопольских текстах страдательное причастие прошедшего времени *obranu* от глагола *obrac̑* 'wybrać spośród wielu, naznaczyć, eligere, deligere' известно с первой половины XV в. (SłStp 5: 365). С 50-х гг. XVI в. в польской письменности регистрируется словосочетание *nowo obranu* 'nowo wybrany; niedawno, świeżo, dopiero со wybrany' (SłP XVI 18: 533, SłP XVI 19: 337–338). В словаре, отражающем польский язык XIX в., представлено сложное прилагательное *nowoobranu* 'то же', а в словаре современного польского языка – словосочетание *nowo obranu* 'то же' (Karłowicz et al. 3: 416, SłJP 5: 376).

В письменности ВКЛ причастие *новообранный* 'новаабраны, новавыбраны' фиксируется с начала 90-х гг. XVI в. и в XVI–XVII вв. встречалось в функции прилагательного в актовом языке и текстах на «простой мове», испытавших значительное влияние польского, или в переводах с польского языка (ГСБМ 21: 290). В белорусском (*новаабраны* 'новавыбраны; нядаўна выбраны') и украинском (*новообраний* 'якого недавно або тільки що обрали') языках это прилагательное употребляется до настоящего времени (ГСБМ 3: 413, СУМ 5: 436, ВТССУМ 2005: 790).

Итак, приведенная выше информация, по нашему мнению, позволяет с достаточной степенью уверенности отнести лексему *новообранный* 'вновь избранный, новоизбранный' к полонизмам в восточнославянских языках. В русский приказный язык XVII в. она, вероятнее всего, попала благодаря посредничеству канцелярского языка ВКЛ и «простой мовы».

Подведем итог историко-этимологическому анализу четырех лексем, представленных выше:

1. Лексемы *навезенье* ‘пребывание в неволе, в плену, в заключении’, *надарити* / *надарыти* ‘одарить, наделить чем-л.; подарить что-л.’, *новокрещенець* / *новокщенець* ‘тот, кто недавно крестился, принял христианство; лицо, перешедшее в христианство из другого вероисповедания’, *новообранный* ‘вновь избранный, новоизбранный’, зарегистрированные нами в русском приказном языке XVII в. и ранее не подвергавшиеся анализу с точки зрения их происхождения, очевидно, представляют собой межславянские заимствования и, вероятнее всего, проникли в русский язык из польского. Слово *навезенье* следует отнести к окказионализмам, так как пока выявлено единственное его употребление.

2. Три из четырех представленных в публикации лексем, за исключением слова *навезенье*, проникли в русский письменный язык, по-видимому, благодаря посредничеству письменности ВКЛ, где, возможно, так же, как и в русском, являются полонизмами.

3. Для лексемы *надарити* / *надарыти* конкретизирована хронологическая характеристика, а для слова *новообранный* удревнено время появления его в русском письменном языке. Заметим, что хронологические данные играют важную роль в установлении направления влияния при контактировании генетически родственных языков.

4. Что касается дальнейшей судьбы рассмотренных лексем, то в современном русском языке в активный состав лексики входит только слово *надарить* в значении ‘дарить что-л. в каком-л. (обычно в большом) количестве’, являющееся принадлежностью разговорного стиля речи (БАС 11: 100). При этом в говорах русского языка оно бытует в исследуемом нами значении (СРНГ 19: 222). В современном белорусском языке в активный состав лексики входят слова *надарыць* и *новаабраны*, а в современном украинском языке – лексемы *надарити*, *новохрещенець* и *новообраний*. В современном польском языке без каких-либо ограничений употребляется только словосочетание *nowo obrany*.

ИСТОЧНИКИ

АЮЗР = *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией*. Т. 3. Санкт-Петербург, 1861.

ВУР = *Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы*. Т. 2–3. Москва, 1953.

ДАИ = *Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией*. Т. 1. Санкт-Петербург, 1846.

ПСЗ = *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое*. Т. 1. Санкт-Петербург, 1830.

Сб. РИО 137 = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*. Т. 4. 1508–1608 гг. (Сборник Русского исторического общества. Т. 137.) Москва, 1912.

Сб. РИО 142 = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*. Т. 5. 1609–1615 гг. (Сборник Русского исторического общества. Т. 142.) Москва, 1913.

СГТД = *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел*. Ч. 3. Санкт-Петербург, 1822.

СЛОВАРИ

- БАС = *Большой академический словарь русского языка*. Т. 1–26. Москва–Санкт-Петербург, 2004–2019.
- БТС 1998 = *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург, 1998.
- ВТССУМ 2005 = *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. Київ, 2005.
- ГРИНЧЕНКО = ГРИНЧЕНКО Б. *Словарь української мови в 4 томах*. Т. 1–4. Київ, 1907–1909.
- ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Вып. 1–37. Мінск, 1982–2017.
- ДАЛЬ = ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Москва, 1878–1880.
- НОСОВИЧ 1870 = НОСОВИЧ И. *Словарь белорусского наречия*. Санкт-Петербург, 1870.
- САР = *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*. Т. 1–6. Санкт-Петербург, 1806–1822.
- СлДРЯ = *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. https://old_russian.academic.ru.
- СлРЯ XI–XVII = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30. Москва, 1975–2015.
- СлРЯ XVIII = *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–22. Ленинград / Санкт-Петербург, 1984–2019.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–51. Москва–Санкт-Петербург, 1965–2019.
- ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–17. Москва–Ленинград, 1950–1965.
- СУМ = *Словник української мови*. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.
- ТИМЧЕНКО = ТИМЧЕНКО Є. *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.* Кн. 1–2. Київ–Нью-Йорк, 2002–2003.
- ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–5. Мінск, 1977–1984.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва, 1986–1987.
- ЧЕРНЫХ = ЧЕРНЫХ П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Москва, 1999.
- ЭСРЯ = *Этимологический словарь русского языка*. Вып. 1–10. Москва, 1963–2007.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков*. Вып. 1–41. Москва, 1974–2018.
- BAŃKOWSKI = BAŃKOWSKI A. *Etymologiczny słownik języka polskiego*. Т. 1–2. Warszawa, 2000.
- BORYS 2005 = BORYS W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.
- KARŁOWICZ et al. = KARŁOWICZ J., KRYŃSKI A., NIEDŹWIEDZKI W. (red.) *Słownik języka polskiego*. Т. 1–8. Warszawa, 1900–1935.
- LINDE = LINDE S. B. *Słownik języka polskiego*. Т. 1–6. Lwów, 1854–1860.
- RECZEK 1968 = RECZEK St. *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1968.
- SłJP = *Słownik języka polskiego*. Т. 1–11. Warszawa, 1958–1969.
- SłP XVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Т. 1–37. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1966–2019.
- SłStp = *Słownik staropolski*. Т. 1–11. Warszawa, 1953–2002.
- USłJP = *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Т. 1–4. Warszawa, 2003.
- WSJP = *Wielki słownik języka polskiego*. <http://wsjp.pl>.

ЛИТЕРАТУРА

- ГАРБУЛЬ 2014 = ГАРБУЛЬ Л. *Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Vilnius, 2014.
- ГАРБУЛЬ 2015 = ГАРБУЛЬ Л. Межславянские лексические заимствования в дипломатической корреспонденции Московского государства. *Studia Slavica Hung.* 60 (2015): 1–19.
- ГАРБУЛЬ 2018a = ГАРБУЛЬ Л. П. Межславянские языковые контакты как источник заимствований в приказном языке Московской Руси. *Studia Russica XXVI*. Budapest, 2018. 398–407.
- ГАРБУЛЬ 2018b = ГАРБУЛЬ Л. П. К вопросу о межславянских языковых контактах в XV–XVII вв. (на материале дипломатической корреспонденции Московского государства). *Slavistica Vilnensis* 63 (2018): 197–214.
- ГАРБУЛЬ 2018с = ГАРБУЛЬ Л. П. О польско-восточнославянских языковых связях в XVI–XVII вв. In: *Tatarskie dziedzictwo kulturowe. Historia. Literatura. Sztuka*. Toruń, 2018. 175–194.
- ГАРБУЛЬ 2019 = ГАРБУЛЬ Л. П. Дополнения к списку полонизмов в русском приказном языке XVII века. *Slavistica Vilnensis* 2019/2: 73–84.
- ЗОЛТАН 2014 = ЗОЛТАН А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва, 2014.
- МОЗЕР 2002 = МОЗЕР М. Что такое «простая мова»? *Studia Slavica Hung.* 47 (2002): 221–260.
- КОЧМАН 1967 = КОЧМАН S. *Polsko-rosyjskie kontakty językowy w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1967.
- КОЧМАН 1971–1974 = КОЧМАН S. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487–1571) I–IV. *Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk* 7 (1971): 37–54, 8 (1972): 63–74, 9 (1973): 33–42, 10 (1974): 15–27.
- КОЧМАН 1975 = КОЧМАН S. *Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII wieku*. Opole, 1975.
- КОЧМАН 1978 = КОЧМАН S. Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI–XVIII w. (*грамота, лист*). *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska* 16 (1978): 73–86.
- КОЧМАН 1980 = КОЧМАН S. Europejskie elementy w rosyjskiej terminologii dyplomatycznej. *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Gdańskiego. Wydział Humanistyczny. Filologia Rosyjska* 9 (1980): 107–118.
- КОЧМАН 1991 = КОЧМАН S. Niezauważone polonizmy w rosyjskiej terminologii dyplomatycznej (XVI–XVII w.). *Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk* 23 (1991): 29–35.
- КОЧМАН 2005 = КОЧМАН S. *Studia nad słownictwem i frazeologią słowiańską*. Opole, 2005.
- МОСЕР 2007 = МОСЕР М. Philologie als Schlüssel zu den nach morphologischen Prinzipien adaptierten Polonismen im Russischen. *Studia Slavica Hung.* 52 (2007): 299–308.
- ВИТКОВСКИ 1992 = ВИТКОВСКИ W. Rosyjskie zapożyczenia semantyczne z języka polskiego. In: *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria VIII. Warszawa, 1992. 263–270.
- ВИТКОВСКИ 2006 = ВИТКОВСКИ W. *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków, 2006.

LIUDMILA GARBUL'

Department of Russian Philology, Institute for the Languages and Cultures of the Baltic,
Vilnius University

**In Addition to the List of Inter-Slavic Lexical Borrowings in the 17th-Century Russian
Chancellery Language**

This paper is devoted to the problems of complex inter-Slavic language contacts in the 17th century and continues the author's cycle of publications on this topic. The study is based on historical and philological methods that help to establish the direction of language influence when genetically related languages contact. The successful application of these methods is facilitated by the use of historical dictionaries of the West Slavic and East Slavic languages with a great depth of diachrony and a wide range of written monuments of different genres and various origins. This information helps to identify inter-Slavic language borrowings and verify the results of previous studies.

The paper examines the origin and history of four words found in the Muscovite diplomatic correspondence: *navezenie* 'captivity, imprisonment', *nadariti / nadaryti* 'to give, to bestow', *novokreščeniec* 'neophyte; Anabaptist', *novoobrannyj* 'newly elected' in all contacting languages: Russian, Polish, the written language of the Grand Duchy of Lithuania as well as Belarusian and Ukrainian. The author aims at proving that these words are lexical borrowings from the Polish language. The study is based on a careful comparison of data of various types of dictionaries of the Russian, Belarusian, Ukrainian, and Polish languages, which made it possible to prove the foreign origin of these tokens in the Russian language and to establish the source of borrowings as well as to identify the intermediary role of the written language of the Grand Duchy of Lithuania in Polish–Russian language contacts.

As a result of the study, it was found that all four lexemes are Polonisms. It was also established that the words *nadariti / nadaryti*, *novokreščeniec*, and *novoobrannyj* were introduced to the Russian written language of the 17th century, most likely due to the mediation of the written language of the Grand Duchy of Lithuania. In addition, the time of appearance of the word *nadariti / nadaryti* in the Russian written language was specified, and an earlier chronology was established for the word *novoobrannyj*.

The materials in this publication can be used to supplement and clarify the information of the etymological and historical dictionaries of the Slavic languages.

Keywords: inter-Slavic borrowings, lexical borrowings, Polonisms, chancellery language, diplomatic correspondence, diplomatic documents, the written language of the Great Duchy of Lithuania, "prostaya mova"

